

Слова и соционические функции (рецензия на «Семантику информационных аспектов»)

Надежда Медведовская, канд. фил. наук,
Киев, 5 – 17 февраля 2007 г.

Вторжение с „другого берега” (объяснительная записка для читателей)

Эта публикация является в некотором роде соционическим дебютом автора (если не считать многочисленных сообщений на форумах <http://www.socionik.com/>, <http://www.socioforum.ru/> и <http://www.socionicasys.info/>). Непосредственным стимулом для написания статьи послужило виртуальное обсуждение книги: **Кочубеева Л.А., Миронов В.В., Стоялова М.Л. Соционика. Семантика информационных аспектов. 2006.** В этом обсуждении я выступила с позиций «академической лингвистики». Учитывая большой интерес к теме и пожелания как представителей различных соционических школ, так и критически настроенных «маргиналов» и «просто любителей», я постаралась изложить разбор «Семантики» в форме традиционной филологической рецензии. Выделены ключевые пункты, которые могут стать предметом междисциплинарной дискуссии (поскольку авторы «Семантики» используют методы и терминологию некоторых лингвистических дисциплин).

В тексте отразились также мои непосредственные впечатления от полугодового знакомства с соционической коммуникативной общностью (я изучала её изнутри – так учат иностранный язык «стихийным методом», живя среди носителей и разделяя их быт и повседневные интересы). Надо сказать, что поначалу меня заинтересовала именно «речевая стихия» на соционических форумах – настолько этот язык и формы общения были чужды моему собственному образу мышления и привычным коммуникативным установкам. До того я не имела опыта сетевого общения (только начала осваивать Интернет) и практически ничего не знала о соционике. В процессе накопления коммуникативного опыта (и параллельного изучения теории) невозможно было избежать пристрастности и формирования стереотипов, подпадания под различные влияния, временного отождествления с определёнными группами, «идеологических моментов» и т.п. (поскольку автор осознаёт себя представителем ТИМа ЭИЭ). При разборе «Семантики» я сознательно дистанцируюсь от приобретённого таким образом опыта, но, разумеется, он не мог не повлиять на оценку работы.

И ещё важный момент: русский язык не является для меня родным, я осознаю себя естественным носителем украинского языка, именно в его стихии формировалось моё изначальное видение мира. Выросла в сельской местности, что называется, «в глубинке», в преимущественно украинской

коммуникативной среде, русский язык учила в школе и самостоятельно (читала классиков художественной литературы XIX века), но почти не общалась на нём до семнадцати лет. По профессии филолог–германист, специализируюсь на истории немецкого языка, также преподаю практику и занимаюсь переводом поэтических текстов с украинского на немецкий. В устной профессиональной коммуникации пользуюсь немецким, научные статьи пишу на украинском. В общем, для меня и теперь не совсем естественно выражать свои мысли (а тем более эмоции) на русском, хотя со стороны и могу производить впечатление свободного владения этим языком.

Я подробно остановилась на личной языковой истории, поскольку в «Семантике» такие нюансы вовсе не учитываются, предполагается «универсальный подход» при типировании по речи, а между тем очень многие представители современного мультикультурного общества имеют подобный опыт, который существенно повлиял на их речь и способ мышления.

Благодарю [Дмитрия Лытова](#) за предложение опубликовать статью и за содержательные замечания, сделанные по ходу чтения черновой версии. Очень благодарна [Вику Ореховски](#) за ёмкие комментарии, они помогли мне определиться с окончательной формой изложения материала. Некоторые комментарии Дмитрия Лытова и Вика Ореховски цитируются в тексте с целью продемонстрировать видение проблемы с точки зрения представителей логических ТИМов.

Также благодарю за моральную поддержку и ценные наблюдения всех моих корреспондентов и участников обсуждения «Семантики» на соционических форумах.

Общие вопросы по теории соционики

1. Является ли озвученный [Г. Рейниным](#) принцип «нет в осознании – нет в языке» чётко аргументированным и поэтому концептуально важным моментом в диагностике по речи?

Лингвистика не даёт и не может дать однозначного ответа на этот вопрос, связь языка и сознания выходит за рамки точной профессиональной компетенции и неизбежно рассматривается в контексте философствования. Тем не менее, рискну предположить, что далеко не все осознаваемые процессы находят непосредственное и адекватное отражение в системе языка и живой речи.

Комментарий логика-интуита (Д. Лытов):

«Рейнин, мне кажется, не принимает в расчёт процесс рождения нового знания, не обязательно научного – знания вообще. Для Рейнина язык статичен, хотя на самом деле он постоянно развивается. Новым знаниям всегда не хватает языка. Ресурсы языка всегда ориентированы на ранее

известную реальность, и их рост ограничен грамматическим ресурсом языка. Периодически в человеческом сознании созревают какие-то проблемы, что люди примерно себе могут представить, что это такое, а слов не хватает. О том, что происходит дальше, лучше меня писали многие философы и лингвисты».

Мои возражения на тезис Рейнина с позиций «этической интуиции»: в философской лирике разных времён и народов очень часто встречается мотив «невыговариваемого» (**unaussprechlich** – слово и соотв. концепт средневековых немецких мистиков), то есть переживания, которые невозможно выразить в вербальной форме. Вспомним хотя бы тютчевское: *«Мысль изречённая есть ложь»*, или лермонтовское: *«Нет звуков у людей / довольно сильных, чтоб изобразить / желание блаженства. Пыл страстей / возвышенных я чувствую, но слов / не нахожу...»*

Кроме собственно языка, семиотике известны и другие знаковые системы. Например, в литературе встречаются суждения об «эмоциональном мире музыки». То есть, музыкальный язык обладает более богатыми возможностями для аудиальной передачи и восприятия информации по некоторым аспектам, при этом единицами плана выражения являются не слова и их значения, а звуки, их свойства и сочетания (громкость, тембр, высота, продолжительность, пространственная локализация, темп, ритм, интонация).

2. В терминологическом словаре «Семантики» авторы различают понятия функции и установки психики (критерий различия – устоявшаяся традиция употребления терминов в литературе соционики и психологии).

Термином «функция» обозначаются логика/этика, сенсорика/интуиция. Термин «установка» относится к экстраверсии/интроверсии и к трём дихотомиям [признаков Рейнина](#), не входящим в базис Юнга. Оправдан ли такой произвольный подход при определении базового понятия «информационный аспект»? Ведь авторы стремились чётко разграничить семантические поля отдельных аспектов именно по линии вертности, но вследствие терминологической неопределённости различий исходных понятий модели полей не выглядят убедительно (см. анализ словарей экстравертной и интровертной этики).

Кроме того, неизбежным следствием различия функции и установки в теории станет **неравнозначность соционических аспектов**.

В. Ореховски: *«Восемь аспектов не являются равнозначными. При всей их кажущейся симметричности они не обладают важным свойством – расстояния между аспектами не равны друг другу. Т.е. «установка» является менее значимой, нежели «функции» – из-за этого и введено различие в терминологии. Само понятие установки, оставшееся от первоначального варианта концепции Юнга является лишним, его психологическая зона поглощается функциями».* (В.О).

Собственно, мне самой при знакомстве с [Моделью А](#) и первых попытках типирования «подобное приходило в голову»: дихотомии этика/логика, сенсорики/интуиция в большинстве случаев воспринимались как более определённые и устойчивые, чем рациональность/иррациональность, экстраверсия/интроверсия.

Д, Лытов: *«По крайней мере, неравноправие признаков явно следует из системы соционических отношений. Замена любого из первых двух признаков лишь незначительно меняет оттенок отношений (например, вместо дуальности получается полудуальность или мираж), замена любого из двух других меняет их кардинально (например, вместо той же дуальности получают совсем иные по характеру суперэго или конфликт). Не случайно, видимо, В.В.Гуленко отнёс первые два к «установкам на род деятельности» (иначе говоря, отметил их ярко выраженную когнитивно-деятельностную направленность), тогда как вторые два – к «темпераментам», т.е. плохо осознаваемым динамическим характеристикам психических процессов [Гуленко, 1995 – 2003]».*

Конечно, этот вопрос требует всестороннего теоретического изучения и практической проверки. Но покамест авторы «Семантики» проигнорировали неравнозначность аспектов, изначально предполагались симметричные связи между проявлениями признаков различных уровней. По моему мнению, именно эта теоретическая неопределённость стала причиной многих явных несоответствий в практической части.

3. В тексте отсутствует прямое определение «носителя аспекта». Из описания эксперимента следует, что носителями аспекта авторы считают представителей «малой подгруппы» – четыре социотипа, у которых рассматриваемый аспект по модели А является одной из функций блока ЭГО (базовой или творческой).

Например, носители аспекта интровертной интуиции – ИЭИ, ИЛИ, ЭИЭ, ЛИЭ. Предполагается, что в речи представителей этих ТИМов аспект интровертной интуиции должен проявляться наиболее полно. То есть, решающим фактором при определении сильных функций является установка психики, которая в сравнении с самими функциями рассматривается как менее постоянная величина.

В. Ореховски: *«Если исходить не из модели «А», а из юнгианских традиций, то используются «сильные» функции с учётом установки, вот и весь сказ. Никто, конечно, не проверял эту гипотезу».*

Проведу междисциплинарную параллель: в лингвистике точно так же нечётко определяется понятие «носитель языка». Одни филологи допускают возможность билингвизма или мультилингвизма (владения двумя и более языками на одном ментальном уровне, соответственно, человек может быть носителем нескольких языков одновременно). Другие настаивают на том, что

основные характеристики мышления определяются категориями первого (родного) языка, который формирует в сознании картину мира, допускаются также промежуточные варианты функционального разделения языков в мышлении при условии раннего двуязычия. Например, по мнению Вяч. Вс. Иванова, для А.С. Пушкина русский был языком поэтического выражения, а французский – логического, левополушарного рассуждения [Иванов, 2004].

4. Является ли выбор лексических средств, грамматической структуры и стилистических маркеров во всех случаях однозначно сознательным (то есть, связанным с ментальными блоками) или бессознательным (на витальном уровне)?

Если этот выбор сознательный – на чём основано предпочтение блока ЭГО блоку СУПЕРЭГО? Если выбор бывает как сознательным, так и бессознательным (или же подсознательным): можно ли в таком случае разграничить сферы применения того или иного выбора?

В. Ореховски: *«Да нет же. Это все тот же бессознательный для социоников (проводивших исследование) выбор сильных функций».*

Действительно, в лингвистике преобладает мнение о бессознательном воспроизведении усвоенных в ранней коммуникативной среде речевых образцов, особенно на уровне синтаксиса и некоторых стилистических средств, например «стёртых» метафор (выбор собственно слов лучше осознаётся и регулируется, особенно в письменной коммуникации). Предположим, что ТИМ непосредственно влияет на речь индивидуума (наряду с другими указанными факторами: родным языком, воспитанием, социальным статусом, ближайшим окружением и т.п.). В таком случае особенности предикации (номинации действий и процессов), модальности (грамматических способов выражения личного отношения и оценки объектов) и предпочтение определённых тропов логично было бы связать именно с витальным блоком модели А, в частности с «фоновой функцией», которая по мнению социоников-практиков постоянно работает во включенном режиме, хотя и не отличается «разговорчивостью». В когнитивной лингвистике исследуется так называемая наивная картина мира, присущая каждому отдельному языку и культуре, сама концепция непосредственно связана с Юнговской гипотезой об архетипах коллективного бессознательного, как коллектив рассматривается исторически сложившаяся национальная общность. Предполагается, что национальные архетипы и символы не осознаются носителем языка (а то и намеренно вытесняются из сознания), но проявляются независимо от его воли в текстах, особенно в художественной литературе. Так в исследовании В.В. Виноградова «Язык Гоголя» показано, что несмотря на сознательный выбор русского языка как «рабочего инструмента» и гениальное стилистическое чутьё писателя, он до конца жизни пользовался синтаксическими конструкциями и тропами, характерными для традиционного украинского фольклора [Виноградов, 1990].

По моему мнению, исследуя проявления «сильных аспектов» в языке представителей разных ТИМов, нельзя игнорировать воздействие витальных функций.

5. Вследствие игнорирования неравнозначности функций и установок в «Семантике» выделены «уникальные поля» лексики, значений и отдельных стилистических особенностей по линии вертности.

То есть, аспекты однозначно разделяются на экстравертные «чёрные» и интровертные «белые», данное разделение рассматривается как привативная оппозиция, члены которой полностью противоположны и взаимоисключающи. Вот как описывает применение этой оппозиции в соционике Виктор Гуленко (выделение моё):

*«Дихотомия постоянно используется в соционике как **инструмент анализа**. Каждое свойство имеет свою противоположность – это фундаментальное положение присуще познанию окружающего мира человеком с самых давних времен.*

Дихотомия издревле конкурирует в науке с троичным делением (трихотомией). **В динамических ситуациях удобнее пользоваться принципом «черное-белое-серое», то есть вводить промежуточную зону между двумя крайностями.** Доказано, что двоичность и троичность – самые выгодные для кодирования информации и построения классификаций деления. Динамическая соционика, соционика триад, только начинает создаваться. **Ее отличие от двоичного подхода в лучшей передаче нестабильных, пороговых процессов».** [Гуленко, 1994а].

То есть, поскольку термин «установка» предполагает наличие некоторых промежуточных категорий и нестабильности, то при анализе соответствующих полей целесообразнее было бы использовать не двоичное, а троичное (при необходимости и более дифференцированное) деление. Думается, при исследовании проявлений информационных аспектов на уровне лексического значения дихотомический подход настолько сужает и опрощает сложный объект анализа, что полученные результаты не могут служить надёжным критерием идентификации аспектов на практике (см. также следующий пункт).

6. К сожалению, авторы «Семантики» при разработке методики эксперимента, структурировании материала и описании результатов недостаточно учли опыт смежных наук, особенно лингвистики.

В библиографии указано всего шесть филологических источников, а между тем за последние 20 лет появилось много фундаментальных трудов российских и зарубежных исследователей, тематика и проблематика которых имеет непосредственное отношение к заявленным целям рецензируемой книги. Например, можно сравнить концепцию Питерской Рабочей группы с моделью

русской языковой картины мира московской семантической школы Ю.Д. Апресяна [Языковая картина...].

Автор настоящей статьи также имеет личный, независимый от соционики опыт комплексного исследования семантики большого класса лексических единиц (при том в синхронии и диахронии, что приблизительно можно соотнести с признаками Рейнина статика-динамика). Первоначально целью исследования было выявление общих закономерностей развития немецкой абстрактной лексики в период Реформации [Медведовська, 2003]. Но прежде чем я начала анализ первоисточников, оказалось, что в лингвистике нет общепризнанного толкования термина «абстрактная лексика», нет и чётких критериев различения абстрактных и конкретных значений (хотя многие авторы, сравнивая отдельные лексемы и значения, отмечали их «большую конкретность» или «меньшую абстрактность»). Все мои попытки разграничить абстрактные и конкретные значения на основе дихотомий потерпели неудачу, да и трихотомий явно было недостаточно для описания семантической структуры таких универсальных и многозначительных понятий, как Ding (вещь), Seele (душа), Geist (дух – для этой лексики зафиксировано 19 *только основных значений*, не считая смысловых оттенков, фразеологических и окказиональных употреблений, причём структура значений менялась каждые 150-200 лет на протяжении истории, а моей задачей было отследить точную иерархию значений в текстах одного жанра с 1517 по 1530 год и определить, являлись ли новые значения, появившиеся в тот период, «в сумме» более абстрактными или более конкретными по сравнению с предыдущим историческим периодом и современным нормативным немецким языком). Таким образом, пришлось моделировать свою собственную шкалу лексической абстракции, исходя из принципа градуальности структуры и возможности двустороннего развития значений: от конкретного к абстрактному и наоборот. Шкала состояла из двух уровней (внешний или реальный уровень соотносился с лексической конкретностью, внутренний или идеальный = с абстрактностью), для каждого уровня описывались четыре степени абстракции, всего было выделено восемь основных классов значений (при анализе семантических изменений в диахронии выделялись ещё промежуточные стадии с целью полнее и нагляднее описать переходы между классами). В общем, эта шкала была далека от совершенства, но поскольку она предназначалась для анализа определённого материала, задание было выполнено. Совершенно очевидно, что сложная структура значений многих слов не попала в поле внимания авторов «Семантики», ведь диахроническое измерение изначально не рассматривалось. Между тем большинство выделенных ими «аспектных метафор» имеют очень глубокие исторические корни, и только в диахронии предпочтение тех или иных тропов в речи носителей аспектов может получить психологическое объяснение «на уровне архетипов» (например, соотносённость «водных метафор» с описанием внутренней душевной жизни в аспекте интровертной интуиции коррелирует с представлениями индоевропейской мифологии, нем. Seele – душа по В. Гримму восходит к общегерманскому see/seo – озеро, по германским поверьям место вневременного пребывания душ всех умерших и неродившихся людей).

Практические вопросы

1. Методика психолингвистического эксперимента

В теории коммуникации рассматриваются различные поведенческие и речевые отклонения, вызванные «резонансным эффектом» определённой группы. Из описания эксперимента в «Семантике» следует, что группы «испытуемых» формировались целенаправленно, участники подбирались по некоторым заранее заданным критериям, а сами исследователи – члены Рабочей группы – тоже принимали непосредственное участие в эксперименте, сравн.:

«Мы старались подбирать людей с выраженным типом, заинтересованных в этой деятельности и мотивированных на участие в эксперименте». [Кочубеева, Миронов, Стоялова, с. 21].

«Если кто-то из РГ был в группе экспертов по аспекту, он брал на себя роль ведущего, зачитывал подготовленный текст и опрашивал остальных участников». [Там же, с. 22].

При таких условиях очень высока вероятность манипуляции сознанием участников коммуникативного процесса, предварительная настройка группы на определённые реакции. Особенно настораживает следующее заявление:

«В случаях, когда участники эксперимента, не входящие в резонансную группу, пытались «вмешиваться» в обсуждаемые вопросы, группа отвергала и попытки помощи, и саму трактовку понятий» [Там же, с. 20].

То есть, экспериментальные группы прошли предварительный тренинг (авторы называют это «настройкой»), целью которого было формирование у группы выраженного «коллективного сознания», включающего установку на собственную экспертность и некомпетентность «внешнего круга».

В «Выводах» авторы также утверждают:

«Лексика аспекта, выданная единым информационным потоком, вызывает эффект резонанса у представителей любого типа, но у носителей аспекта он выражен гораздо сильнее».

Тот факт, что эффект распространяется на представителей всех ТИМов, косвенно подтверждает моё предположение о предварительном внушении участникам общей установки (к тому же в описании эксперимента указывается, что участники эксперимента располагались на близкой пространственной дистанции, а наблюдатели других ТИМов отсаживались в сторону – естественно, это могло сказаться на интенсивности проявления речевых реакций). В чём именно «сильнее» выражается эффект у носителей аспекта – конкретно не указывается. Однако в таких ситуациях **фактор оценивания неизбежно субъективен.**

Мнение Д. Лытова:

«Научное описание (даже в гуманитарных науках, которые нередко любят попинать за «субъективность») должно быть таким, чтобы прочитавший статью сумел воспроизвести опыт и получить те же результаты, не ломая голову над тем, что подразумевалось «между строками».

Поэтому я совершенно согласна с замечанием Вика Ореховски:

«Чтобы он не был субъективен, надо опыты ставить грамотно! Например, «интенсивность речевых реакций» должны оценивать независимые оценщики = не знающие соционики, и тем более не знающие ТИМов участников и пр. Наблюдатели вообще не должны быть соционики...»

Авторы «Семантики» считают возможным переход на «язык отдельного аспекта» под влиянием резонансного эффекта:

«Независимо от типов участников и от личностей конкретных людей, вскоре все они начинают говорить на одном языке – языке экстравертной этики. Их другие сильные признаки или аспекты проявляются мало, ответвления идут минимальные» [Кочубеева, Миронов, Стоялова, с. 20].

Как указывается в пунктах 4 и 5 «Общих вопросов по теории соционики», практически невозможно ни исключить взаимодействие ментальных и витальных функций, ни чётко разграничить семантические поля отдельных аспектов по признаку вертности.

2. Выбор единиц анализа

Авторы позиционируют своё исследование как относящееся к сфере лексической семантики, то есть, значения слов. В таком случае основной единицей анализа должна была послужить семема или же ЛСВ – лексико-семантический вариант, оба термина употребляются именно как базовые единицы семантического анализа. Но избранная авторами методика эксперимента и обработки результатов ориентируется преимущественно на лексематический уровень, то есть, основной единицей анализа служит отдельное слово. Такой подход на практике означает недооценку полисемии (универсальной многозначительности большинства частотных слов) и вообще синтагматических полей языка. Приведу несколько примеров.

Участники должны были определить, входит ли то или иное слово в их лексикон, и в случае утвердительного ответа «выдать свободные ассоциации» в форме слов или словосочетаний, которые «первые пришли в голову». Посылка данной методики: **ассоциативные слова «близки по значению» к слову-стимулу.**

Именно на основе ассоциативных рядов были составлены словари аспектной лексики. При этом один из авторов признаёт, что работа была трудная, отдельные слова вызвали разногласия насчёт своей принадлежности, их «сводили и разводили по аспектам». Эти трудности вполне объяснимы: близость значений в семантике – понятие очень условное, ассоциативные ряды могут строиться не только по принципу синонимии (весёлый-радостный-жизнерадостный) или классов предметов (как в примере с перечислением музыкальных инструментов), но и таким образом, что при обработке практически невозможно будет найти логические соответствия.

Пример ассоциативного отношения в семантическом поле (закономерность Караулова):

большой-великий-незаурядный-необычный-развлекательный-весёлый-забавный-смешной. Эта трансформация становится ясной только в том случае, если респондент озвучивает все ассоциативные этапы с разъяснением по каждому промежуточному понятию, иначе нельзя обосновать принадлежность слов «большой» и «смешной» к одному полю. В словарях «Семантики» исходная и выходная лексемы относятся к различным информационным аспектам, между тем в сознании говорящего они могут быть непосредственно связаны, сравн. афоризм Наполеона Бонапарта: «от великого до смешного – один шаг!» (Притом в русском языке прилагательные «большой» и «великий» обозначают преимущественно понятия из различных предикативных полей – размера и оценки, а во французском тот же смысл выражается одним прилагательным, так же как и в немецком или украинском, укр. велике дерево – великий письменник).

В общем, метод ассоциативных полей может быть достаточно эффективным, но только при условии точного объяснения типа ассоциативной связи (озвучивания всех «промежуточных шагов») каждым участником и последующего сравнительного анализа выделенных синтагматических связей, что предполагает исследование на уровне ЛСВ.

3. Особенности употребления лексики

Авторы всё же не смогли полностью проигнорировать полисемию (многозначность слов), многие слова у них входят в словари двух-трёх аспектов, что только вносит дополнительную путаницу при типировании нефилологами. А между тем хорошо известно, что сама по себе лексическая система языка имеет полевую структуру, к ядру принадлежат (кроме служебных частей речи) самые ёмкие и употребительные понятия. Эти слова или «шире самого аспекта», или же являются названиями тематических рядов (гиперонимы). Если даже носитель языка не употребляет эту лексику в активной коммуникации – знание и понимание у него есть, пусть у каждого своё.

Согласно закономерности Ципфа-Юла [Дунаев, б/д], чем слово частотнее, тем больше оно имеет значений (как правило, такие слова – самые

старые в языке и самые краткие). Количество значений слова прямо пропорционально корню кубическому из частоты его употребления. Например в английском языке 10 частотных слов в тексте исполняют функции 1000 нечастотных, так что подсчитано (закон Гиро): знание первых 100 слов частотного списка даёт возможность понять 1/3 часть любого текста. Эти 100 слов невозможно «развести по аспектам информационного потока» на уровне употребления отдельных лексем по причине полисемии и широкозначности, а сосчитать частотность употребления отдельных значений невозможно технически, что признают и сами авторы «Семантики». Следовательно, наилучшим выходом было бы отказаться от подсчёта употреблений частотных лексем вне контекста и сравнения различных значений. Сравн. точку зрения Вика Ореховски:

«Сама по себе лексика не очень показательна. В значительной степени она определяется не только профессиональной деятельностью, но и множеством других причин, в частности ТИМами родителей. Кроме того в речи используются все аспекты, но в разной степени. Можно утверждать, что не только в разной степени, но и разной ситуации. Скажем, в ситуации ссоры почти любой ТИМ будет использовать эмоциональные слова. В ситуации слабых функций участник использует слабые функции, и если это не учитывать, то эффект «резонанса» будет не понят.

Следующим фактором, по которому лексика не является показательной, является различие в использовании слов разными людьми. Важны не сами слова, а их семантические связи. Для одного «урод» – это сенсорика (некрасивый), для другого – этика (ругательство), для третьего – логика (корявое алгебраическое выражение). Поэтому важнее всего – отклоняющиеся от средних значения слов. И естественно, надо видеть разницу между словами фона и словами смысла высказывания. Каждое утверждение имеет семантический «центр», и слова, выражающие мысль, особенно важны. И в третьих, конечно, надо дать возможность людям выбирать тему и форму общения. Тогда можно судить о их собственных предпочтениях, а не о их способности приспосабливаться к аудитории».

Итак, при анализе на лексематическом уровне важны именно «отклонения от нормы», а также выявление центральных понятий для каждого аспекта (понятия не тождественны отдельным словам, они могут быть описаны дефинитивно или ассоциативно).

В связи с этим очень показательна дискуссия на одном из соционических форумов: представитель ТИМа ИЛИ усомнился в принадлежности слов «суть» и «сущность» (а также устойчивого выражения «по сути») к полю экстравертной интуиции, поскольку сам он идентифицировал эти единицы как «свои». ИЛИ пытался доказать, что именно белые интуиты «проникают в суть вопроса», в то время как чёрные интуиты, в особенности ИЛЭ, постоянно «отклоняются от сути». ИЛЭ не согласился с такой точкой зрения и указали на принадлежность этих слов к собственному лексикону, другие участники

дискуссии отрицали изначальную связь «сути» с аспектом интуиции. Недоразумение произошло потому, что одни форумчане рассматривали конкретное употребление слов в речи, а другие имели в виду абстрактное понятие, связанное с этими словами в сознании. Одно только является бесспорным для всех: лексемы «суть» и «сущность» сами по себе относятся к пересечению аспектов логики и интуиции (с преобладанием интуиции), с полями этики и сенсорики они не коррелируют.

4. Критерии обработки эмпирических данных и точность результатов

Авторы советуют при типировании руководствоваться критериями частотности употребления выделенных ими лексем (как в текстах, так и в устной речи), а также учитывать «всесторонность проявления аспекта» (грамматические структуры, склонность к определённым тропам, невербалика и т.п.). Нужно заметить, что основной акцент в «Семантике» приходится именно на словари аспектной лексики, остальные критерии проявления аспектов поданы весьма фрагментарно, а то и едва намечены. При виртуальном определении ТИМа на основе форумных сообщений или анкетирования это приводит к тому, что типировщики активно ищут в речи типизируемых именно отдельные лексемы, и установив факт многократного повторения нескольких слов, заявляют о «проявлениях сильной функции».

Но при этом в «Семантике» не указаны точные критерии в количественном или процентном выражении, говорится только о «частотности» и «избыточных проявлениях» (очевидно, это предполагает существование нормы употребления лексики для отдельных ТИМов).

В лингвистике существуют чёткие нормы: что можно и что нецелесообразно подсчитывать, минимальный объём текстовой выборки, который различается при подсчёте единиц разных уровней, обоснованные формулы для каждого вида статистики и для определения коэффициентов частотности на уровне текста с учётом различного объёма словарного запаса, ведь количество употребляемых лексем и отдельных значений существенно различается даже на уровне носителей одного языка, не говоря уж о разных языках. Правомерно ли без учёта данной корреляции определять **соотношение статики и динамики** в текстах (даже если мы абстрагируемся от проблемы равноценности этих признаков с «классическими» юнговскими дихотомиями)?

В статье о методике типирования по ПР на сайте Центра Владимира Миронова как признаки статики и динамики отмечаются преимущественно формы сказуемого и временные категории глагола [Методика типирования...], тот же принцип задекларирован и в «Семантике». Причём на том же сайте поданы «списки знаменитостей по ТИМа», где в отдельной графе указываются источники анализа. Немецкоязычный писатель Стефан Цвейг и англичанка Э. Л. Войнич позиционируются как представители ТИМа ИЭИ, источники типирования – тексты отдельных произведений этих авторов в русском

переводе, указаны названия книг, год и место издания. (Французенке Жорж Санд «повезло меньше» – она попала также в «Есенины», но в графе об источнике написано просто «тексты произведений», без уточняющих данных, возможно, один из авторов «Семантики» как филолог-романист всё-таки проанализировал оригинальные тексты). В любом случае, выходные данные в разных языках при таком подходе не будут совпадать.

Ведь и переводчик руководствуется стилистическими соображениями, синтаксис художественного текста должен отвечать нормам его языка. Кстати, в немецком языке глагол не имеет категории совершенного/несовершенного вида, зато наличествует большое разнообразие и частотное употребление глагольных приставок, в «Семантике» эта особенность выделена как признак динамики. Но то, что в русских текстах воспринимается как избыточность, является нормой для носителей немецкого языка. И наоборот: если рассмотреть оригинальные немецкие тексты по этому критерию, то на одно употребление «простого» глагола без приставки приходится восемь форм с приставками. Таких несоответствий можно найти очень много, и они подрывают доверие к заявленной методике анализа независимо от других факторов.

5. Ещё о применении контент-анализа в соционике

Согласно официальной хронологии Рабочей группы эксперимент с фокус-группами по «изучению наполнения признаков Рейнина» проводился в 2000-2001 гг., а методика типирования по признакам Рейнина с применением контент-анализа была разработана позднее, в 2002-2003 гг. [Кочубеева, Миронов, Стоялова, с. 135] То есть, методика опиралась на результаты эксперимента (напомню, что в «Семантике» отсутствуют точные данные о количестве участников эксперимента, их социальной стратификации, методах изначального определения их ТИМов и т.п., по тексту можно сделать только косвенные выводы, например, очевидно, что количество участников эксперимента не превышало 50-60 человек, указано, что это была «возрастная группа в основном до 40 лет», ну и характер словарей заставляет предположить социальную однородность группы). Между тем избранный в качестве основного метода контент-анализ предназначен для обработки больших информационных массивов, причём преимущественно в фиксированных, письменных формах. Единицами контент-анализа могут быть отдельные лексемы и грамматические структуры с точки зрения их повторяемости/частотности в текстах одного или нескольких авторов, подробно см. статью С. И. Григорьева [Григорьев, 2001]. Автор указанной статьи выделяет «наиболее часто встречающиеся просчёты» при применении данного метода впервые. По моему мнению, следующие пункты отражают ошибки Рабочей группы, о которых речь шла выше:

- Анализ документов опережает разработку исследовательской программы.
- Категории анализа не определены до такой степени, которая позволяет четко различать смысловые единицы текста документа.

- Категории анализа не субординарны и не приведены в соответствие с теми определениями и операционализирующими их терминами, которые зафиксированы в программе исследования.
- Единицы анализа характеризуют категории анализа лишь внешне, а не по существу, а поэтому единицы анализа не позволяют идентифицировать содержание документа в полном соответствии с категориями анализа.
- Анализ документа ведется без предварительной подготовки всего комплекса методических инструментов.
- Классификатор имеет недочеты, составлен с нарушением правил логики.
- **Результаты контент-анализа не перепроверены информацией, собранной иными методами.**

Мои предварительные аналитические выводы также подтверждаются независимыми выводами **Олега Хрулёва** в статье «**Определение автора по тексту на естественном языке**» [Хрулёв, 2005]:

«Показано, что частотный словарь человека достаточно устойчив на больших объемах текста и неустойчив на малых.

Показано, что на частоту употребления слов существенно влияет не только автор, но также предметная область, жанр и размер анализируемого текста.

С помощью частотного анализа по наиболее употребительным словам не удастся определять соционический тип без дополнительной фильтрации по семантическим словарям.

Полученные результаты показывают, что психотип влияет на частоту употребления слов в русском языке в целом меньше, чем предметная область, жанр и размер анализируемого текста».

Итак, применение контент-анализа в качестве основного метода типирования по отдельным текстам небольшого объема (сообщения на форумах и т.п.), тем более по устной речи не оправдано. «Дополнительная фильтрация по семантическим словарям», о которой пишет О. Хрулёв, на практике означает применение других методов семантического анализа (например, хорошо разработан компонентный анализ Б. Стернина), учитывая также несоционические факторы и актуальную коммуникативную ситуацию.

Анализ словаря экстравертной этики

Кое-что субъективное и не строго научное, ну надо же Гамлету и «душу отвести» :)

Когда я впервые раскрыла книгу, то, пробежав содержание и предисловие, не стала читать всё подряд дальше, а перешла к описанию аспекта экстравертной этики, интересно ведь было сравнить данные авторов с моим

личным опытом прежде всего по базовой, предположительно самой «разговорчивой» функции. Моей непосредственной эмоциональной реакцией стало разочарование, притом это касалось как количества отобранных лексем (и это всё?!.. а почему так мало?..), так и их качества (да ведь это лексикон Эллочки-людоедки, наполовину сленг и жаргонизмы, неужто все чёрные этики в Санкт-Петербурге такие ограниченные и вульгарные – где же их культура, хвалёная в предисловии Шульмана?).

Разочарование оказалось настолько сильным, что перешло в разряд «устойчивого эмоционального состояния», я отложила «Семантику» на дальнюю полку, несколько раз собиралась таки «заставить себя всё прочесть, чтобы разобраться», но за три месяца так и не собралась. Тем временем оживилась личная переписка с выпускниками центра Миронова, которые восприняли эту методику типирования на полном серьёзе, произвели контент-анализ моих сообщений и в результате решили, что я «никак не могу быть Гамлетом», поскольку в текстах мало проявлены единицы аспекта ЧЭ. Правда, респонденты существенно разошлись в определении моего «настоящего ТИМа» (несмотря на использование единой методики, усвоенной к тому же «из первоисточника»): одни отмечали преобладание лексики БИ и ЧЛ и прочили меня то ли в Джеки, то ли в Бальзаки, другим казалось, что я слишком много рассуждаю на темы БЭ, следовательно, скорее всего являюсь Достоевским или же, судя по сводному коэффициенту общительности, дружелюбия и всяческих «затейных штучек» – Гексли (при этом один из типировщиков недоумевал по поводу «избыточного проявления семантических полей БЭ и БИ» – в самом деле, ну нельзя же быть одновременно белым этиком и белым интуитом, это противоречит модели А!) Последняя версия меня развеселила больше всех: корреспондент убедительно доказывал, что на уровне синтаксиса у меня ярко выражены негативизм и деклатимность, а лексика преимущественно относится к полям БЛ и ЧС, к тому же «из контекста понятно», что автор плохо разбирается в нюансах отношений, следовательно, Ваш диагноз – Жуков!

Таким образом, пришлось всё же достать «Семантику» и трижды внимательно прочитать её от корки до корки, стараясь при этом не поддаваться эмоциям. Насколько мне удался разбор по слабым функциям – это уж пускай судят читатели по предыдущим пунктам рецензии. Но вряд ли возможно говорить «беспристрастно» об этике эмоций (традиционное соционическое обозначение, подвергнутое в «Семантике» капитальной ревизии), тем более осознавая себя как носителя названного аспекта.

Ещё до появления «Семантики» меня неприятно поражали распространённые в сети типичные представления и ассоциации, связанные с ЧЭ. Особенно в случае обсуждения «эмоций Гамлета», тут уж все клише и частотные словосочетания заранее известны: Гамлет шумит, изливает сплошной негатив, устраивает бурные сцены и истерики с битьём посуды и швырянием стульев, нагнетает страсти, играет на публику, тянет всё внимание на себя, интригует, сплетничает, притворяется, манипулирует людьми, его эмоции практически неподконтрольны, не имеют рационального объяснения,

преувеличенны, фальшивы, неискренни, никто не в силах их выдерживать, кроме разве что Максима, да и то в редких случаях...это все основные концепты, или я ещё что-то существенное забыла?

Примерно такое же представление о базовой функции ЭИЭ может составить себе неподготовленный читатель на основании описаний и «примеров из жизни» в популярных изданиях Стратиевской [Стратиевская, 1997] и Филатовой [Филатова, 2005], описания Бесковой и Удаловой [Бескова, Удалова, 2004] более «политкорректны», но в то же время рассчитаны на «уровень обывательского сознания», скажем, советуется «надеть маску Гамлета, если вы хотите избавиться от Габена» [Бескова, Удалова, 2003], а на практике «маска Гамлета» означает активное посещение вечеринок и дискотек и непрекращающийся шумовой фон дома. Возможность существования ЭИЭ, ведущих другой образ жизни, представителями этой школы не предусматривается «в принципе».

А вот превозношение «особой социально-исторической миссии» ЭИЭ в работах Гуленко [Гуленко, 1994b] – противоположная крайность, которая также скорее вредит внешнему имиджу ТИМа и не способствует решению реальных проблем и социальной адаптации его представителей. Интерпретация семантического поля ЧЭ в «Семантике» фактически поддерживает сложившиеся «соционические мифы», хотя авторы и утверждают, что именно по этому аспекту ими выявлено наибольшее количество «нового». Это утверждение вряд ли правомерно.

Сравним количество отдельных лексем в словарях аспектов (подсчитано стандартной компьютерной программой, без учёта «особенностей речи», тропов и невербалики):

БИ – 753 /ЧИ – 648

БС – 1015 / ЧС – 729

БЛ – 632 / ЧЛ – 445

БЭ – 557 / ЧЭ – 391

Бросается в глаза явная диспропорция в «вербальном наполнении» функций и декларация априорной неравноценности словарных запасов носителей различных аспектов. **Парадокс: оказывается, все без исключения «интровертные аспекты» располагают большим словесным арсеналом, чем соответствующие экстравертные функции!** Крайние позиции занимают БС и ЧЭ, причём интровертная сенсорика в количественном соотношении оказывается чуть ли не втрое «разговорчивее» экстравертной этики! Если принять на веру эти данные, полностью абстрагироваться от соционических стереотипов и попытаться смоделировать «проявления аспектов в речи», то можно прийти к заключению: интроверт СЛИ имеет намного больше

возможностей передачи информации со своей базовой, чем экстраверт ЭИЭ, по-видимому, базовые ЧЭ наименее разговорчивы по своей программной функции. Что, Гамлет и Гюго считаются на практике самыми «болтливыми типами»? Наш эксперимент опровергает это мнение, на самом деле всё обстоит с точностью до наоборот!

Конечно, тут я представила себе утрированную реакцию, к тому же намеренно смешала понятия количественного наполнения и внешнего проявления поля аспекта. Но именно такое смешение категорий характерно для структуры словарей в «Семантике», и оно вызвано строгим соблюдением принципа взаимоисключающих дихотомий, разграничения «чёрного» и «белого», подчёркивания «уникальности полей» аспектов, из чего читатель может составить себе представление о принципиальной несовместимости «экстравертной» и «интровертной» лексики в сознании и речи (увы, именно такой практический вывод сделали мои форумные «перетипировщики»). Авторы развели по разным аспектам темы «описание своих чувств и отношений к чему-либо/кому либо» (интровертная этика) и «описания внешних, наблюдаемых проявлений эмоций», а также «описание эмоциональных состояний или степени возбуждения» (экстравертная этика). Разграничение сделано по условному критерию «внешнего проявления» /«внутреннего переживания». При этом упускается из виду самый существенный момент: внешние проявления эмоций, как правило, естественно вытекают из чувств (а если нет, то это и есть «игра на публику» и «неискренность»), чувства непосредственно связаны с эмоциональными состояниями (и не всегда в сознании экстравертных этиков проводится разграничение между «устойчивыми» чувствами и «преходящими» эмоциональными состояниями), а формирование индивидуального отношения и оценки постоянных качеств субъектов, хотя и принадлежит к внутренним процессам этического мышления, требует непременно «внешнего импульса», так что в лексикологии принят термин «экспрессивно-оценочный компонент значения» – ЭОК, экспрессивность рассматривается как синоним эмотивности, а семантика оценки предполагает непременно наличие эмоционального подтекста, см. [Вольф, 1989; Карасик, 1994].

Что же касается отнесения исключительно к этике эмоций звукоподражаний и темы «Зрелища», то употребление этой лексики в речи связано прежде всего с особенностями культурной среды и коммуникативной общности. Разумеется, «театральные выражения» будут использовать работники соответствующих профессий и любители искусства, среди которых есть и носители аспекта экстравертной этики. Но если ЭСЭ или ИЭИ не интересуется театром, не посещает спектаклей и не общается с меломанами – откуда же в его словаре появится названная тематика?

Звукоподражания сами по себе считаются одним из древнейших, реликтовых пластов современной лексики, и они не сводятся к идеофонам – обозначениям действий и экспрессивным междометиям. По данным типологической классификации звукоподражаний в индоевропейских языках

К.Н. Тищенко [Тищенко, 1999], самой старой и общераспространённой формой звукоподражаний являются суггестивные обращения к животным (с целью прогнать, подманить или остановить). Известные примеры из русского языка: но-но, чу-чу, кис-кис, брысь, кыш и т.п. Возможно, в ситуации общения между людьми такие слова несут преимущественно эмоциональную нагрузку, но изначально функция их была сугубо практической, «хозяйственной», такой она остаётся и в наше время в крестьянском быту, поэтому нельзя отнести их к исключительной области экстравертной этики.

Заключение

Можно было бы продолжить разбор словарей аспектной лексики и отдельных полей, обсуждение методики эксперимента и принципов семантического анализа. Надеюсь, что мы ещё вернёмся к этой теме. А в качестве заключения рецензии и обобщения предварительных итогов анализа позволю себе кратко прокомментировать «Выводы» авторов «Семантики» [Кочубеева, Миронов, Стоялова, с. 83]

1. В результате эксперимента по исследованию семантики А-аспектов [...] существенно уточнены, расширены и дополнены данные об аспектной лексике, собранные нашими предшественниками, что позволяет облегчить и сделать более надёжной процедуру диагностики ТИМа по вербальным проявлениям.

Можно говорить о дополнении существующих представлений об аспектной лексике и безусловной ценности некоторых практических наблюдений авторов (в особенности по стилистическим и невербальным проявлениям аспектов). Но поскольку описание эксперимента и методов анализа не отвечает критериям объективности в науке, собранные данные требуют критического подхода и всесторонней проверки независимыми экспертами.

2. Выделены устойчивые семантические единицы, характерные для каждого из аспектов. В дальнейшем эти единицы можно использовать как материал для количественного анализа любых текстов (кроме узкоспециализированных) с целью определения ТИМа автора.

Устойчивость выделенных единиц, а также их принадлежность к отдельным аспектам не доказана на практике. Избирательное использование материалов «Семантики» в контент-анализе возможно как вспомогательное средство верификации ТИМа автора. Разумеется, определение «любые тексты» требует значительного сужения в плане объёма, жанровой принадлежности и т.п. Не считаю допустимым использовать лексические единицы при анализе иностранных источников, а также русскоязычных текстов значительной давности.

3. По каждому аспекту составлены словари, в которых зафиксированы наиболее часто используемые носителями лексемы. Словари структурированы по темам и подтемам, согласно внутреннему содержанию аспектов, и пригодны для использования в качестве справочного аппарата при диагностике.

Да, если имеется в виду диагностика ТИМов носителей современного русского языка, идентифицирующих себя с «массовой городской культурой», с преобладанием в речи уровня стандарт (для словарей этических аспектов более показателен нонстандарт). О разграничении уровней стандарта, нонстандарта и субстандарта см. [Кёстер-Тома, 1993].

4. В процессе анализа словарей получены новые сведения о психологическом содержании признаков Рейнина, образующих данные аспекты, что в дальнейшем позволит включить в арсенал инструментов соционической диагностики ранее не используемые шкалы.

Сомнительный тезис, поскольку нет убедительных доказательств связи всех признаков Рейнина с семантикой, см. [Стовпюк, Лытов, 2002].

5. В семантике каждого аспекта выявлено уникальное поле, то есть то семантическое поле, которое не может быть выведено из полей признаков, составляющих данный аспект, и является эмергентным свойством аспекта.

Тезис не имеет достаточного теоретического и практического обоснования.

6. Обнаружен и описан эффект резонанса как свойство групп, сформированных по критерию «носители данного аспекта». Лексика аспекта, выданная единым информационным потоком, вызывает эффект резонанса у представителей любого типа, но у носителей аспекта он выражен гораздо сильнее.

Описанный эффект коррелирует с известными в психологии и теории коммуникации описаниями результатов манипуляции сознанием и группового внушения.

7. Отработана методика эксперимента с использованием резонансных групп, которую в дальнейшем можно применять для исследования как других малых рейнинских групп, так и отдельных признаков Рейнина.

Методика эксперимента описана в самых общих чертах, без точных количественных данных и отражения промежуточных стадий, что исключает полную воспроизводимость исследования в других условиях.

8. Метод резонансных групп, использованный нами для постановки эксперимента, можно также применять при типировании для определения сильного аспекта в структуре ТИМа.

Тезис представляется сомнительным ввиду недостаточной изученности проявлений резонансного эффекта в группах, составленных по другим критериям.

9. Наблюдения и самоотчеты участников по поводу комфортности пребывания в резонансном состоянии аспектов противоречат существующим в соционике представлениям.

В тексте представлены только общие наблюдения представителей отдельных ТИМов, которые восприняли пребывание в резонансном состоянии аспекта своей седьмой (ограничительной) функции как менее комфортное по сравнению с ощущениями от третьей («болевой», мобилизационной) функции. Это наблюдение не является новым в соционике, подобные идеи высказывались в работах Г.Шульмана [Шульман, Карпенко, 2004].

Итак, несмотря на важность затронутой проблематики и большой объём собранных эмпирических данных, «Семантике» не хватает ясного теоретического обоснования, большинство выводов носят частный характер и требуют независимой и тщательной экспериментальной проверки. В тексте и структуре справочного материала нами отмечены факты непоследовательности изложения, противоречивости либо полного отсутствия логических и эмпирических доказательств.

«Семантика» позиционируется не как научно-популярная книга и не как изложение альтернативной психологической теории (в таких публикациях допустимы любые гипотезы), а именно как руководство для практикующих экспертов (не только собственно социоников, но и психологов, как указано в аннотации). Тут уж паралогизмы (нарушения правил логики) недопустимы, иначе происходит подмена понятий: вместо науки мы имеем дело с мировоззрением, идеологией или эзотерикой, что исключает возможность найти общий язык вследствие расхождения коммуникативных кодов. Если соционики стремятся к признанию их теории и деятельности «официальной наукой», то они должны в полной мере освоить научный понятийный аппарат и методологию.

Литература

- Бескова Л.А., Удалова Е.А. // Немировский А.А., Симонов Ю.И. Как искать спутницу жизни. – Бескова Л.А., Удалова Е.А. Путь к сердцу мужчины... и обратно. – М. Астрель. – 2003. – 224 с.
- Бескова Л.А., Удалова Е.А. Я и все остальные: начала соционики. – М: ГроссМедиа, 2004. – 224 с.
- Виноградов В.В. Язык Гоголя // В.В. Виноградов. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. – М.: Наука, 1990. – С. 271-330.

- Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 55-75.
- Григорьев С.И. [Проведение контент-анализа](#). 2001.
- Гуленко В.В. [Выразительные возможности психических состояний. Человек и мир языком универсалий](#) – Киев, 09.04.1995 // СМиПЛ, 2001, № 3; также статья вошла в книгу: Гуленко В.В. Структурно-функциональная соционика. – ч.1 – Киев, 1999.
- Гуленко В.В. [Дихотомия](#) – Киев, 22.10.1994а.
- Гуленко В.В. Менеджмент слаженной команды: Соционика и социоанализ для руководителей. – Новосибирск: РИПЭЛ, 1995, 192 с.; 2-е изд.: М., "Астрель", 2003.
- Гуленко В.В. ["Наставники" философствуют: Об особой судьбе этико-интуитивного экстраверта](#) – Киев, 26.12.1994b.
- Дунаев В. О [ранговых распределениях в классификации](#). Без даты.
- Иванов Вяч. Вс. [Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему](#). 2004.
- Карасик В.И. [Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность](#). 1994.
- Кёстер-Томас З. [Стандарт, субстандарт, нонстандарт](#). 1993.
- Кочерган М.П. Основы зівставного мовознавства. Київ: Академія, 2006. – 423 с.
- Кочубеева Л.А., Миронов В.В., Стоялова М.Л. Соционика. Семантика информационных аспектов. – СПб.: Астер Х, 2006. – 146 с.
- Медведовська Н.В. Застосування методу опозицій для дослідження абстрактної лексики в діяхронії // Наука і сучасність. – вип.2, ч.4 – К.: Логос, 1999. – С. 31-37.
- Медведовська Н.В. Розвиток абстрактної лексики в ранньоновісверхньонімецькій мові (на матеріалі полемічних текстів XVI ст.). Автореферат канд. дисертації. Київ, 2003. – 20 с.
- Медведовська Н.В. Актуальні кореляції терміносистеми права в професійному мовленні німецьких священиків // Мовні і концептуальні картини світу. – вип.14, кн.2 – Київ, 2004. – С. 20-28.
- [Методика типирования по признакам Рейнина с применением контент-анализа](#).
- Стовпюк М.Ф., Лытов Д.А. [О смысловом содержании признаков Рейнина](#) // «Соционика, ментология и психология личности», 2002, № 6.
- Стратиевская В.И. Как сделать, чтобы мы не расставались. Руководство по поиску спутника жизни (соционика). – М.: Издательский Дом МСП, 1997. – 496 с.
- Тищенко К.М. Лекції з генетичного мовознавства. Київ, 1999. – 52 С.
- Филатова Е.С. Соционика в портретах и примерах. – М., "Чёрная белка", 2005. – 368 с.
- Хрулёв О. [Определение автора по тексту на естественном языке. Ч.1. Применение частотного анализа в соционике](#). Июль 2005.
- Шульман Г.А., Карпенко О.Б. [Попытка реабилитации](#). 2004.

- [Языковая картина мира](#). Без даты.